

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В ЧЕМ ЖЕ СОСТОИТ «РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ»?
(по поводу статьи Ф. В. Бассина «О развитии взглядов
на предмет психологии»)

Е. И. БОЙКО
(Москва)

Исходное положение обсуждаемой статьи, согласно которому в настоящее время «особенно важным становится систематическое обсуждение основных теоретических проблем психологии», представляется в высшей степени правильным. Мы приветствуем и основной аргумент автора в пользу этого тезиса. Согласно Ф. В. Бассину, и «без такого обсуждения многочисленные конкретные психологические исследования, затрагивающие вопросы производственной деятельности, медицины, воспитания, взаимоотношений в больших и малых коллективах и т. п. могут оказаться лишенными должной направленности». Наконец, мы вполне согласны и с тем, что вопрос о развитии взглядов на предмет психологии «является одной из основных проблем» [1; 101]. Однако последнее верно лишь при одном условии, а именно: когда обсуждается действительное развитие взглядов на этот предмет, прослеживается какой-то прогресс и когда дискуссия вносит в это общее дело что-нибудь полезное — позитивное или негативное (критическое). Посмотрим теперь, выполняется ли это важное условие в данном случае.

В статье рассматривается вопрос о том влиянии, которое оказала на психологию кибернетика, причем нарисованная автором картина представляется очень своеобразной и спорной. Попутно автор касается позиции Ж. Пиаже, хотя его взгляды на предмет психологии не рассматриваются, затем вкратце разбирается многократно критикованная в литературе платформа «психологии духа» (В. Дильтей, Э. Шпрангер и др.), упоминается школа В. Вундта, К. Левина, Э. Фрейда, фамилии нескольких советских психологов (в связи с частным вопросом психологической трактовки категорий «значения» и «смысла»), наконец, довольно подробно развивается собственное и, как мы увидим ниже, малооригинальное понимание предмета психологии, которое завершается схематичными обещаниями насчет подлежащего разработке в будущем, но пока отсутствующего метода. Чтобы наши суждения о статье Ф. В. Бассина не показались

читателю малообоснованными и несправедливыми, остановимся на главных пунктах концепции автора.

Прежде всего вызывает неудовлетворенность общая исходная позиция. Нельзя обсуждать вопрос о развитии взглядов на предмет науки и в то же время не иметь перед собой этого предмета, а еще только искать его. На стр. 102 автор говорит, что он «предпринимает подобный поиск». Но если здесь не просто неудачная формулировка и не случайная описка, то что-нибудь из двух: либо развитие взглядов на предмет психологии ни к чему не привело и сам этот предмет до сих пор не найден (как, например, в парапсихологии), т. е., строго говоря, никакого развития и не было, либо в согласии с огромным большинством современных психологов следует принять, что психология как самостоятельная наука давно уже существует, имеет свой специфический предмет и можно лишь спорить относительно конкретных объектов, задач и методов исследования. Во всяком случае автору следовало бы принять во внимание, что многие как зарубежные, так и советские психологи не согласятся с такой постановкой вопроса, которая может быть истолкована так, будто предмет их науки до сих пор не найден или утерян и что кто-то пока лишь «предпринимает его поиск». А что делать, если этот поиск окажется unsuccessful?

С другой стороны, трудно разделить и чрезмерно оптимистический взгляд автора, будто добровольно взятая им на себя задача определения предмета психологии может уже сейчас «иметь решение определенное — недвусмысленное и точное» [1; 102]. Надо думать, наоборот, что развитие научных взглядов на предмет психологии не остановится и впредь и что полное, недвусмысленное и точное представление об этом предмете может быть скорее результатом, итогом всего будущего развития, но отнюдь не его исходным пунктом¹.

¹ См. весьма интересные соображения К. Маркса по аналогичному поводу во «Введении к критике политической экономии».

Очень настораживает и сделанное в самом начале статьи примечание автора, будто «после хорошо известных страстных споров последних десятилетий междисциплинарные вопросы психофизиологического порядка во многом *утратили* (курсив мой — Е. Б.) свою былую дискуссионность» [1; 101]. Мы не можем согласиться с такой оценкой. В частности, некоторые положения обсуждаемой статьи, о которых будет говориться ниже подробнее, находятся в очевидном противоречии с одним из основных требований объективного метода в психологии, которое вопреки всем призывам «описательной», «понимающей» или «постигающей» «психологии духа» поддерживается многими современными авторами и которое хорошо выражено в лаконичной формулировке Б. М. Теплова: «объяснение в психологии включает в себя... установление нервных механизмов процесса отражения» [6; 14—15]. И напрасно было бы говорить, будто с появлением кибернетики что-нибудь существенно (а не по видимости) изменилось в этом трудном вопросе, имеющем весьма важное методологическое значение. Очень правильно говорится в монографии Д. И. Дубровского «Психические явления и мозг», что «вопрос о соотношении психологии и нейрофизиологии... приобретает сейчас особенную теоретическую актуальность» [5; 163]. Поэтому неудивительно, что наши главные разногласия с Ф. В. Бассиным по вопросу о задачах научной психологии в дальнейшем будут как-то связаны с этим наиболее дискуссионным пунктом.

Кибернетика, по мнению Ф. В. Бассина, внесла в психологию следующее: 1) в психологии был создан полезный «мета-язык» междисциплинарных понятий; 2) развилась тенденция к формализации и математизации психологических знаний; 3) были разработаны технические методы моделирования мышления на ЭВМ (здесь автор забывает, почему-то, что моделировались так же восприятия, память, эмоции и даже личность); 4) выяснилась зависимость решения проблемы развития мышления и «искусственного интеллекта» от логики, а «будто бы не от психологии»; 5) в связи с этим обнаружилась (с нашей точки зрения, непонятная и невозможная — Е. Б.) «гетерогенность» по отношению к остальной психике развитой и формализуемой мыслительной деятельности (со ссылкой на Ж. Пиаже). Отсюда и возникла потребность в пересмотре традиционного понимания «предмета» психологии с подчеркиванием особой для нее важности будто бы неформализуемых «значущих» переживаний.

«...Размежевание в рамках психологии между формализуемым и неформализуемым, — утверждает автор, — вызвавшее обращение особого внимания на своеобразии проблематики неформализуемого, на специфику методов изучения неформализуемого, на характерное положение неформируемого, как объекта познания, который остается в ведении только психологии, составляя тем самым ее «предмет» — *par excellence* — оказалось, быть может, даже *более важным* (курсив мой — Е. Б.) результатом проникнове-

ния в психологию духа математики и формальных методов, чем возможности развития, которые создаются этими методами для того, что формализуемо» [1; 105].

Здесь необходимо по возможности разъяснить два пункта: что именно объявляется в психологии формализуемым и неформализуемым и почему автор выдвигает тезис о «гетерогенности» развитой мыслительной деятельности по отношению к остальной психике?

Формализация, вообще говоря, есть описание какого-нибудь содержательного построения (предмета, события, процесса) на строгом символическом языке, позволяющем адекватно отобразить описываемый объект в виде информационной или знаковой модели. Каждый из элементов модели находится в определенном отношении к элементам моделируемого объекта, т. е. имеет свою содержательную интерпретацию. Необходимым условием «работы» формальной системы, как правильно указывает Ф. В. Бассин, является сохранение моделью своих интерпретаций (идентичность знаков самим себе). В противном случае теряется строгость и однозначность модельного языка. Однако автор заходит слишком далеко, когда утверждает, что использование формальной системы возможно только при том условии, «...если элементы того содержательного, что моделируется, также достаточно стабильны, также сохраняют в фазе анализа идентичность самим себе».

Если же мы, — продолжает автор, — не можем быть уверены в *идентичности самим себе элементов моделируемого содержательного процесса* (курсив мой — Е. Б.), то, очевидно, использование формальной модели становится неправомерным, так как моделируемый содержательный процесс перестает адекватно отражаться этой моделью и должен рассматриваться как *неформализуемый* (курсив мой — Е. Б.) [1; 106].

Далее автор утверждает, что в психологии неформализуемым являются все ситуационно-опосредствованные, аффективно окрашенные личностные переживания, имеющие важное значение для субъекта, полные глубокого, волнующего его смысла [1; 106—107]. Однако усилия автора доказать неформализуемость интимно глубоких «значущих» переживаний совершенно напрасны. С точки зрения выдвинутого им критерия, явно завышенного, все вообще психические процессы, а не только область «значущих» переживаний, состоят из весьма изменчивых компонентов, про которые никак нельзя сказать, что они «сохраняют идентичность самим себе». Строго говоря, это требование невыполнимо по отношению ко всем жизненным процессам (поскольку живые организмы непрерывно изменяются) и даже по отношению к простому механическому движению. Ведь про положение тел, менющихся в пространстве, тоже трудно сказать, что они сохраняют идентичность самим себе. Тем не менее, ничто не мешает при моделировании прибегнуть к искусственной дискретизации непрерывного движения или к каким-нибудь другим мало

существенным упрощениям. А кто может решиться на одном только этом основании (наличии упрощений и отвлечений) отрицать научную значимость различного рода моделей в биологии и в психологии? Впрочем и сам автор, правда в очевидном противоречии с собственным строгим критерием, признает возможным и нужным моделирование «не значащих» психологических феноменов, например, «логических компонентов нормального развитого мышления», «логических операций», «логически упорядоченного развертывания мысли».

Противопоставление мышления всем остальным психическим процессам ведет к тому, что у некоторых психологов, — причем у тех, которые очень своеобразно понимают взаимоотношение психических явлений и реализующих их механизмов работы мозга, в частности у Ж. Пиаже, — давно уже начало складываться мнение, будто логически упорядоченное мышление, поскольку оно формализуемо и может программироваться на ЭВМ, вообще как бы изымается из области психологии и в силу этого может успешно изучаться безотносительно к своему материальному субстрату. Для того, чтобы показать, что Ф. В. Бассин солидаризируется с таким пониманием, мы вынуждены привести две довольно пространные выдержки из обсуждаемой статьи.

«Пиаже не устает подчеркивать дистанцию, отделяющую развитые логические структуры от сферы конкретного чувственного опыта... их формализуемость и вытекающую отсюда их подчиненность законам алгебры операций... Звучащая здесь своеобразная диалектичность толкования, — внешне противоречивое сочетание идеи скрытого психологического геноза развитых логических категорий с идеей качественного своеобразия этих категорий, обусловливающего вывод закономерностей их динамики за рамки закономерностей собственно психологического типа, — является одной из наиболее сильных сторон всего созданного Пиаже теоретического подхода» [1; 104].

Попутно отметив спорность такого оценочного толкования, обратимся к следующей выдержке. «...Мета-языку кибернетики, облегчив, с одной стороны, исследование внутренней «логики» психологических процессов, с другой стороны, подчеркнул качественное своеобразие логических компонентов нормального развитого мышления, высокую степень их формализуемости, возможность их машинного воспроизведения и, тем самым, их гетерогенность в системе мыслительной деятельности, понимаемой как часть традиционного «предмета» психологии. Обогатив психологию в одном аспекте, кибернетика закрепила, одновременно, исключение из нее теории логически упорядоченного развертывания мысли, широко используя для этого возможности вычислительной техники» (курсив мой — Е. Б.) [1; 105].

Такая точка зрения представляется нам в корне неправильной. Мы полагаем, что самое развитое, как и всякое логичное мышление (= «логически упорядоченное разверты-

вание мысли», по Ф. В. Бассину) по-прежнему остается в ведении психологии: составляя важную часть ее предмета. И никакая кибернетика не может изъять эту часть и передать ее в область другой науки. Инеродность же логической мысли по отношению к другим психическим процессам («гетерогенность», по Ф. В. Бассину) в высшей степени бездоказательное утверждение, затемняющее и затрудняющее общепринятый взгляд, согласно которому психологический и логический анализ мышления представляют собой два разных научных подхода к одному и тому же объекту. Противоположный тезис едва ли найдет себе сторонников не только среди психофизиологов, но и нейрокибернетиков. То обстоятельство, что при создании машинных программ, частично имитирующих сложные формы мыслительной деятельности и различного рода «эвристики», представители кибернетики довольствуются логикой, не испытывая особой нужды в психологии, ровным счетом ничего не доказывает. Любая машинная программа складывается из ряда команд, которые выполняются машинной автоматически с помощью определенных электронных механизмов, реализующих ее логику и выражающихся, например, в формировании управляющих электрических импульсов и в многоактной передаче их на регистры арифметического устройства и блоков памяти, между которыми эти импульсы циркулируют во время работы машины. Аналогия между реализацией машинной программы и мышлением, поэтому, неправомерна.

Если же все-таки проводить какую-то аналогию между мозгом и ЭВМ, то мыслительным процессам соответствует не программа, а реализующие ее электронные механизмы. И хотя программа действительно управляет машинными операциями (в том смысле, что разные команды и различная их последовательность вызывают различное распределение внутренних электрических сигналов), тем не менее все команды реализуются только посредством материальных машинных механизмов. Изучать их детально составителям программ, разумеется, нет надобности, но лишь потому, что они знают системы команд тех машин, для которых пишутся программы, а это в свою очередь возможно лишь потому, что механизмы работы машин известны конструкторам и эксплуатационникам, создающим эти машины и наблюдающим за ходом их работы. Поэтому следует предположить, что «иллюзия гетерогенности» может возникать главным образом вследствие общественного разделения труда. Следовательно, аналогия с программированием машин совершенно непригодна и даже вредна в области психофизиологии. Человеческое мышление во всех самых развитых его формах, на уровне самых высших логических категорий тоже по необходимости реализуется материальными мозговыми «механизмами», но эти механизмы, во-первых, наверняка иные, чем механизмы современных ЭВМ, и, во-вторых, что самое главное, они заранее никому не известны. Поэтому для того, чтобы

мыслительные процессы были правильно поняты и научно объяснены психологией, совершенно необходимо шаг за шагом раскрывать реализующие их материальные механизмы работы мозга (не энергетические, конечно, а информационные) и никакого другого выхода здесь нет. Человеческий мозг не строили инженеры, которые могли бы просто сообщить нам системы его команд, а также число и устройство регистров, на которые подаются управляющие импульсы. «Исключить» из психологии и психофизиологии всю эту сложнейшую нейродинамику, никогда и ни в каком смысле не «гетерогенную» по отношению к «системе мыслительной деятельности», а, наоборот, измалентную ей и необходимо ее реализующую во всех деталях, на всех уровнях и при любых самых развитых логических операциях, кибернетика ни при каких обстоятельствах не может, как бы этого ни хотелось некоторым психологам. Наоборот, задачу изучения соответствующих мозговых механизмов нейрокибернетика призвана облегчить и оплодотворить современными математическими и техническими методами исследования.

«Размежевание в рамках психологии между формализуемым и неформализуемым» Ф. В. Бассин между прочим аргументирует и ссылками на литературные источники. Так, он ссылается, например, на А. Пенроуза, будто бы нашедшего простой способ различить человека и машину в знаменитой имитационной игре А. Тьюринга, а также указывает на различие категорий «значения» и «смысла» психологами и представителями математической логики. С нашей точки зрения, обе эти ссылки основаны на недоразумении. Пенроуз предложил для различия мышления человека и машины задать какой-нибудь вопрос, имеющий оттенок бестактности или иронии. Человек будто бы даст в этой ситуации аффективную реакцию, а машина скорее всего реакцию непонимания [1; 106]. Не говоря уже о том, что человек в ситуации игры может не захотеть обнаружить свою обиду и что нельзя понять, в чем может выразиться «реакция непонимания» машины, мы вынуждены констатировать, что предложение Пенроуза (если только автор правильно его передал) бьет мимо цели. Тьюринг, юпящая свою имитационную игру, заранее и весьма основательно отверг видимость доказательной силы в подобных аргументах. В специальном параграфе под заглавием «Возражения, исходящие из того, что машина не все может выполнить» он приводит следующий список: «Быть добрым, находчивым, красивым, дружелюбным, быть инициативным, обладать чувством юмора, отличать правильное от неправильного, совершать ошибки, влюбляться, получать удовольствие от клубники со сливками...» и т. д. и т. п.

Читателю ничто не мешает добавить к этому списку «способность обижаться», чтобы попросту отклонить довод Пенроуза, как неосновательный с точки зрения главной идеи Тьюринга [7; 39].

Еще менее удачна ссылка на психологов, которые пытались различать «значения» и «смыслы», в взгляды которых, будто бы, вос-

ходят к идеям Г. Фреге и связаны с идеями А. Черча. Здесь явное недоразумение. В математической логике эти термины относятся только к знакам, к именам в их связях с предметами наименования [2; 502]. Психологи же имели в виду, как и сам Ф. В. Бассин, содержательные психические явления, переживания, процессы. А. Н. Леонтьев, например, по приведенной автором выдержке, говорил о «смыслах» понятий и переживаний как об «аналогах значений в системе деятельности», а Л. С. Выготский — как о «наиболее устойчивых зонах смысла» в отличие от «непосредственных значений». Яснее других психологическое различие между этими понятиями выразил тот же Пенроуз, на которого в первую очередь и ссылается Ф. В. Бассин. Для машины сигналы могут иметь то или иное «значение», либо продиктованное программой, либо «созданное на основе саморегулирования» (?). «Для человека, пишет Ф. В. Бассин, — также существуют как бы «жестко запрограммированные» (традицией, обучением, воспитанием, подражанием, условиями) «непосредственные» значения воздействующих на него сигналов. Но помимо них (? — Е. Б.), любой сигнал может приобретать для человека также «значение» другого типа: значение «преходящее — ситуационное» или «опосредствованное», определяемое не объективными характеристиками воздействующего стимула, а «историей» субъекта, который этот стимул воспринял, или особенностями ситуации, в которой стимул воздействовал. И если значения первого типа, «жестко фиксированные» не трудно формализовать, ...то «значения» второго типа поддаются формализации лишь с величайшими трудностями, условно, или, что бывает значительно чаще, оказываются неформализуемыми вовсе» [1; 106]. Именно значения второго типа, по Ф. В. Бассину, и соответствуют «смыслам» психологов.

Нетрудно, однако, показать, что различие, проводимое Пенроузом, нечетко, смутно, неопределенно. Разве «ситуационное» или «опосредствованное» значение любого сигнала не определяется «обучением, воспитанием, условиями»? Разве не являются все аффективно окрашенные, «значачие» переживания человека основанными на его предшествующей «истории» или биографии? Разумеется, да! Иначе говоря, по признакам, выдвигаемым Пенроузом, самый обычный лабораторный условный рефлекс следует разом отнести в обе группы «значений». Ведь как обусловленный предшествующим обучением и жестко запрограммированный он относится к первому типу реакций, а как ситуационно, преходяще обусловленный соответствующим подкреплением или неподкреплением (при угашении) он попадает, несомненно, во вторую группу.

Наконец, если Ф. В. Бассину непременно нужно вскрыть «корни» психологического различия категорий значения и смысла, то для этого ему надо обратиться не к Г. Фреге (1892), который не имеет сюда прямого отношения, а к более раннему литературному источнику — к книге «Задачи психологии» К. Кавелина (1872), против которого весьма основательно выступал И. М. Се-

чен. Вот что написано по этому вопросу в названной книге К. Кавелина на стр. 62: «Материальные предметы и явления, помимо (?! — Е. Б.) своего объективного, если можно так выразиться, материального значения, имеют еще для человека свой особый, субъективный смысл. Такая-то гора, река, роша, кроме общего для всех людей смысла, имеют для меня, по особенным обстоятельствам и воспоминаниям, особое значение и потому производят только для меня впечатления, которых другие вовсе не испытывают». Ну как тут не узнать того же Пенроуза с его малообоснованным различием, которое может вызывать в умах читателей серьезную путаницу.

Впрочем ссылки на «плохого» Кавелина так же мало могут изменить суть дела, как и ссылки на «хороших» Фреге и Черча, а эта суть состоит в полном отсутствии фактически обоснованной аргументации в пользу принципиального различия «значущих» и «незначущих» переживаний, хотя никому не придет в голову отрицать большее или меньшее значение тех или иных ситуаций для разных лиц и в разное время, что в достаточной степени банально.

Конечно, в субъективном плане для некоторых психологов различие категорий «значения» и «смысла» может не представляться избитым тезисом, запутанным, неясностью и неубедительностью аргументации. Но со стороны это выглядит именно так.

Тезис, подчеркивающий особую важность для психологии «значущих переживаний», содержит в себе и другую, несравненно менее безобидную сторону, особенно если не забывать, что он вновь и вновь выдвигается как последний результат «развития взглядов на предмет психологии». Со времени известной статьи В. Дильтея [4] эта сторона выражается в преднамеренном (мы чуть было не сказали злонамеренном) разделении психологии на две разные науки, одна из которых объявляется традиционной, связанной с лабораторным экспериментом и тяготеющей к естествознанию (психофизиология), а другая, будто бы новаторская, обращенная к подлинной жизни и тяготеющая к художественной литературе, ориентируется ее адептами на интроспективный анализ переживаний во всем их богатстве и в изначальной жизненной целостности при подчеркивании принципиальной ограниченности лабораторного эксперимента.

Сторонники этого второго направления, будучи бессильными доказать, что оно выходит за рамки житейско-психологических представлений и художественных образов искусства, что оно заслуживает наименования науки, стали неправомерно резко противопоставлять психологическое описание и объяснение. Так возникли две психологии: объяснительная («традиционная») и «описательная», «понимающая», «постигающая» внутренние связи переживаний целостной личности.

Слабой стороной второго направления было и есть отсутствие научно-обоснованного метода исследования. В самом деле, как можно

научно исследовать переживания? Ответ на этот вопрос всегда так или иначе приводил к интроспекции, причем подразумевалось или открыто постулировалось, что внутренние закономерные связи психических явлений непосредственно переживаются. Однако этот тезис никогда и никем не был доказан, так же как отрицание наличия у человека особой способности «внутреннего зрения», позволяющей будто бы воспринимать и на этой основе научно исследовать свою психику (О. Конт, И. М. Сеченов, С. Л. Рубинштейн и др.), никогда и никем не было опровергнуто. Интересно, что как только Дильтей выставил свою программу описательной психологии, Г. Эббингауз резонно возразил ему, что недостоверность ее приемов начинается вместе с простым установлением психологических фактов, относительно которых весьма трудно створиться, но что самое главное состоит не в этом. Действительная внутренняя связь психических явлений, как подчеркнул Эббингауз, не переживается и потому недоступна самонаблюдению. Вопрос же о том, каким именно путем получают знания об этой связи, составляет самую темную часть всей психологии [8; 191—193, 196], [3; 20].

Мы уже знаем, что кибернетика, согласно Ф. В. Бассину, помогла психологии разделить изучаемые ею объекты на две группы: формализуемые и неформализуемые. Первые являются общими для психологии с другими науками, в частности с физиологией, вторые («значущие переживания») составляют область только психологическую или истинно психологическую, но, как утверждает автор, пока еще мало разработанную. Далее было констатировано, что в психологии давно уже возникли и борются между собой два разных направления исследований. «Первое из этих направлений, — отмечает автор, — звало и зовет к пониманию психологических феноменов как явлений в основном психофизиологического порядка, легко включаемых без особого искажения их природы в поле обычного лабораторного эксперимента. Второе — к пониманию психологических процессов и состояний как собственно психологического аспекта действительности, который находит свое выражение в переживаниях субъекта, рожденных не аффективно-безразличными для него моделями различных ситуаций, а тесно спаянных с его «внелабораторной» жизнью, имеющих важное для него «значение», полных глубокого, волнующего его «смысла» [1; 107].

Зная об антагонизме, который имел место в истории психологии между этими борющимися направлениями мысли, сам автор, однако, не думает, что они полностью исключают друг друга и потому не делает между ними определенного выбора, хотя и не скрывает своего тяготения ко второму направлению. Первое направление, поддержанное кибернетикой, он считает необычайно широким и в определенном отношении бесспорно высокопродуктивным [1; 107], а второе, хотя и не принимается в частности и даже критикуется за идеализм, все же интерпретируется как весьма перспективное. Более того,

считая главным дефектом этого направления отказ от экспериментального метода [1; 108], автор сам берется за его предварительное обоснование, о чем мы скажем ниже особо.

Резюмируя свое собственное понимание создавшегося в настоящее время положения дел в психологии, Ф. В. Бассин пишет следующее. «Такова в высшей степени своеобразная ситуация, сложившаяся в современной психологии в связи с ее тематической и методической направленностью. У нее и на сегодня существуют как бы два «предмета» или, верней, в ней могут быть и в наши дни выделены две существенно разные линии интересов. Однако линия, преобладающая, основана на хорошо отработанных исследовательских приемах и рассматривает психологические феномены как поддающиеся формализации... И другая, видящая в неформализуемости психологического его основную характеристику, не располагающая еще разработанной методической основой для изучения неформализуемых психологических феноменов, но стремящаяся эту основу создать, так как в противном случае перед психологией возникает довольно неприятная перспектива... выпадения наиболее, быть может, важных в практическом отношении элементов ее социального аспекта и еще большего ее замыкания в рамках аспекта физиологического» [1; 109]. Чтобы защитить психологию от физиологии и чтобы помочь ей ближе подойти к анализу специфических закономерностей «значущих» переживаний (а вопрос о том, существуют ли такие особые закономерности, остается пока открытым), Ф. В. Бассин предлагает ввести в психологический эксперимент «канал обратной связи» от экспериментатора к испытуемому [1; 112]. Другими словами, экспериментатору предлагается не только наблюдать за тем, как влияют на реакции испытуемых те или иные объективные условия, но и активно вмешиваться в этот процесс, нарушать и видоизменять его. К сожалению, никакой дальнейшей методической конкретизации этого весьма проблематичного требования в статье не содержится. В положениях автора можно усмотреть лишь совершенно бесстрашную позицию по отношению к опасности субъективизма и чисто платоническое желание превратить экспериментатора из пассивного наблюдателя в активного и просвещенного пастыря своих испытуемых, ибо как же еще иначе он мог бы влиять на их жизненно значимые переживания?

Все эти положения можно было бы оставить в покое, как совершенно невинные *desiderata*, если бы в их обосновании не фигурировал методологически совершенно неприемлемый тезис. Мало того, что автор нигде ни одним словом не обмолвился, как именно он надеется исследовать переживания, не обращаясь к субъективному методу, он еще заявил, что изучать нужно именно сами психологические феномены, а не сомато-вегетативные корреляты [1; 111]. Последнее же, по автору, невозможно в искусственном эксперименте с его действительно существующей принци-

пиальной ограниченностью [1; 108], так как для этого жизненно «значущее» переживание пришлось бы перенести в лабораторию, что практически неосуществимо.

Вместе с тем — и против самого себя — автор заявляет: «Материальные процессы и феномены (очевидно, здесь имеются в виду только что упомянутые «сомато-вегетативные корреляты» переживаний), как правило, толерантны к подобным операциям «изъятия» и «переноса», если последние производятся должным, конечно, способом. Психологические же феномены — и в первую очередь именно «значущие» переживания — уже самим фактом подобного «изъятия» видоизменяются и поэтому оказываются в «поле» экспериментатора не эквивалентными самим себе до экспериментатора. Понятно, поэтому, что при всей универсальности «галилеевского» принципа его использование в психологии наталкивается на *принципиальные ограничения*» [1; 111] (курсив мой — Е. Б.). Мы полагаем, что сам автор всерьез не думает, будто если посадить влюбленного юношу за экспериментальный пульт, то он тотчас же разлюбит свою избранницу, а если неожиданно выстрелит за его спиной из пистолета (что не раз делалось в эксперименте с эмоциями), то он не вздрогнет и не испугается. Однако, как видно из только что приведенной половинки цитаты, автор всерьез считает, что физиологические механизмы переживаний, как материальные процессы, переносимы в лабораторный эксперимент, толерантны к нему, тогда как сами эти переживания не переносимы и не толерантны. Здесь — очевидный и ничем не оправданный разрыв между психическими явлениями и реализующими их физиологическими механизмами переходит за всякие рамки научно допустимого подхода. Вот к чему в конце концов может привести страх перед мнимой угрозой «замыкания психологии в рамки аспекта физиологического».

На этом наш спор временно заканчивается. Будем же справедливы друг к другу и не станем на основании отдельных ошибок в формулировках приписывать друг другу несвойственные нам взгляды и убеждения. Нужно только всемерно стремиться избегать таких ошибок и, если они уже сделаны, не бояться открыто исправлять их. Особенно же следует не спешить высказывать такие идеи, которые уже не раз и без большого успеха высказывались другими психологами значительно раньше. В этой связи невольно вспоминается, как Дильтей апеллировал когда-то к художественной литературе, хотя, нам кажется, что и он, не решился бы, подобно Ф. В. Бассину, утверждать, что без знания «законов» психологии как, например, «закон Элькоста», просто нельзя понять всей поразительной глубины психологического анализа в произведениях таких великих художников, как например Ф. М. Достоевский. Когда сталкиваешься с подобными утверждениями, то невольно снова и снова задаешь их авторам вопрос: так в чем же все-таки состоял прогресс в развитии взглядов на предмет психологии?

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бассин Ф. В. О развитии взглядов на предмет психологии. «Вопросы психологии», 1971, № 4.
2. Бирюков Б. В. Теория смысла Готлоба Фреге, в кн.: «Применение логики в науке и технике». М., Изд-во АПН РСФСР, 1960.
3. Гартман Э. Современная психология. М., 1902.
4. Дильтей В. Описательная психология. М., Изд-во «Русский книжник», 1924.
5. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., «Наука», 1971.
6. Теплов Б. М. Об объективном методе в психологии. М., Изд-во АПН РСФСР, 1951.
7. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? М., 1960.
8. Ebbinghaus H. in «Zeitschrift für Psychologie der Sinnesorgane». Bd. IX, 1895.

